

Константин Душенко*

ПОНЯТИЕ «РУССОФОВИЯ» У РУССКИХ АВТОРОВ XIX–XX ВВ. **

Получено: 20.06.2022. Рецензировано: 30.06.2022. Принято: 30.06.2022.

Аннотация: В литературе об антирусских/антирусских фобиях совершенно недостаточное внимание уделяется языковому, понятийному аспекту исследуемого феномена. Такой неотрафелированный подход приводит к смешению разнородных явлений. В статье рассматривается центральный для данной темы термин «руссофобия»: его значение у разных авторов и в разные эпохи русской истории, а также контекст, в котором этот термин использовался. Исследование проводилось на материале публицистики (включая тексты русских авторов, созданные на других языках) с привлечением наиболее значимых эпистолярных текстов. Особое внимание было уделено концепции «внутренней руссофобии», сформулированной в середине XIX в. Ф. Ф. Вигелем и Ф. И. Тютчевым. Для Тютчева ближайшей мишенью был И. С. Тургенев как знаковая фигура западнического либерализма. Нарисованный Тютчевым (при активном участии Достоевского) образ русского «весьма достойного» человека, ненавидящего родину «по инстинкту», при ближайшем рассмотрении оказывается фантомом, созданным в полемических целях. В советской печати «руссофобия» и родственные слова долгое время относились главным образом к историческому прошлому, а со 2-й половины 1930-х и до середины 1970-х годов практически выпали из языка публицистики. Резкий всплеск интереса к понятию «руссофобия» датируется концом 1980-х годов, хотя именно в этот период образ СССР и России в общественном мнении Запада заметно изменился к лучшему.

Ключевые слова: А. де Кюстин, Ф. Ф. Вигель, Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. К. Рерих, И. А. Ильин, И. Р. Шафаревич.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-222-255.

Определяйте значения слов — и вы избежите свет от половины его заблуждений.

Александр Пушкин

Тема данной статьи — не *явление*, которое, избегая по возможности эмоционально окрашенных терминов, можно определить как антирусские / антирусские фобии, а историческое содержание *понятия* «руссофобия». Поэтому слово «руссофобия» используется нами, как правило, в закавыченном виде.

* Душенко Константин Васильевич, к. и. н., ст. науч. сотр., отдел культурологии ИНИОН РАН (Москва), kdushenko@nlp.ru, ORCID: 0000-0001-7708-1505.

** © Душенко, К. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Различные оттенки его значения мы попытаемся проследить на протяжении полутора веков, с конца 1830-х до середины 1980-х годов, хотя и с весьма существенной оговоркой. В наших предыдущих статьях о понятии «руссофобия» (Душенко, 2022a,b,c) использовались обширные оцифрованные базы англоязычной и немецкоязычной печати XIX в. Репрезентативных баз русской дореволюционной и позднейшей эмигрантской печати не существует, поэтому данное исследование в гораздо большей степени носит пунктирный характер; это лишь первый подступ к основательному изучению проблемы.

***

Первыми о «руссофобии» (*Russophobia*) заговорили английские радикалы в начале 1836 г.; так они обозначали фантомный либо преувеличенный страх перед угрозой британским интересам со стороны России. Очень скоро слово появляется в немецкой и французской печати (*die Russophobie*, *la Russophobie*).

В разделе «Смесь» февральского номера «Библиотеки для чтения» за 1838 г. сообщалось, что известный руссофоб¹ г. Уркварт (*Urqhart*) доложил в Лондонском географическом обществе результаты своих наблюдений о путях распространения чумы в Турции (Места зарождения..., 1838: 117). Прозвище «руссофоб» (*Russophobist*, позднее также *Russophobe*) дипломат и публицист Дэвид Уркварт (1805–1877) получил в английской печати: имелась в виду его яростная критика русской внешней политики и пропаганда тезиса о русской угрозе.

Министр финансов Е. Ф. Канкрин также упоминает о «руссофобии» в связи с англо-русскими отношениями: «Руссофобия газет доходит до безумия. Англичане утверждают, что Россия хочет Константинополя [...]» (дневниковая запись от 27 июля / 8 августа 1840 г. в Бад Гаштейне, Австрия; в оригинале по-немецки) (Kankrin, 1865: 69 (2-я pag.)).

Большая часть других известных нам упоминаний слова «руссофобия» у русских авторов до 1870-х годов включительно встречается в текстах на французском и немецком языках.

В 1839 г. в Лейпциге была издана книга «Европейская пентархия» без указания автора: она принадлежала перу К. Э. фон Гольдмана — цензора при канцелярии графа И. Ф. Паскевича в Варшаве (Goldmann, 1839). Здесь предлагалось разделить Европу на пять сфер влияния —

¹ Слова «руссофоб», «руссофобия» и т. д. вплоть до 1930-х годов писались с двумя «с», как в западноевропейских языках.

числу великих держав. Сферой влияния России должен был стать Германский союз, что никак не могло понравиться не только сторонникам единой Германии, но и правительствам Пруссии и Австрии. Министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде поначалу одобрил книгу, но 25 ноября 1839 г. русский посланник в Берлине П. К. Мейендорф сообщил ему: «[в Пруссии] *Пентархия* возбудила против нас много брани» (цит. по: Осповат, 1999: 245)².

В ответном письме от 3 декабря 1839 г. граф отыграл назад (Nesselrode, 1908: 296 NO DATA):

Действие, произведенное *Пентархией*, — это вода на мою мельницу; Вы знаете, я всегда полагал, что нельзя отвечать на диатрибы зарубежных газет. Мне еще не случилось видеть, чтобы книги и статьи, написанные в нашу пользу, переубедили кого-либо; русофобия (la russophobie) пройдет, как и прочие безумства нашего века, и наступит время, когда нас будут любить так же, как ненавидят сегодня; нужно лишь ждать и жить.

Здесь «мы» — Россия как государство, проводящее определенную внешнюю политику.

***

Слово «руссофобия» вне контекста межгосударственных отношений, в значении «враждебное, предвзятое отношение к России и русским», встречается в заметке П. А. Вяземского «Еще несколько слов о работе г-на Кюстина „Россия в 1839 году“ по поводу статьи в „Le Journal des Debats“ от 4 января 1844 г.» (опубл. в 1967 г.). Вяземский уподобляет Кюстина «страдающему [...] *Руссофобией*» (atteint [...] de *Russophobie*) трактирщику из Любека, упомянутому в гл. 4 книги Кюстина, который, никогда не бывав в России, полагает, что Россия — «дурная страна» (Vyazemsky, 1967 : 267). (Заметим, что трактирщик у Кюстина приходит к такому выводу не априорно, а потому, что едущие из России в Европу выглядят весело, словно вырвались из клетки, а возвращаясь, имеют вид мрачный и озабоченный.)

Многое из сказанного де Кюстином о России Вяземский говорил и сам — разумеется, не в печати. Тютчев двумя десятилетиями ранее

²О том же, и тоже с сожалением, писала четыре года спустя консервативно-католическая «Augsburger Postzeitung»: «С тех пор как появился пентархист со своей системой, [...] сильнейшая руссофобия охватила нас, немцев, более, чем когда-либо; куда мы ни взглянем, мы видим лишь казаков да кнут и вторжение с востока, подобное второму переселению народов через Центральную Европу на запад» (Rußland und Deutschland, 1843: 581, 582).

высказывался едва ли не резче, чем сам Кюстин: «В России канцелярия и казарма, все движется около кнута и чина» (по записи в дневнике М. П. Погодина от 20–25 июня 1825 г.) (Барсуков, 1888: 310).

Знаменательно, что три года спустя после своего неопубликованного возражения де Кюстину Вяземский обвиняет славянофилов в ненависти к Западу; можно было бы сказать — в «западофобии». «Как пруссаки ненавидят нас потому, что мы им помогли и выручили их из беды, так наши восточники ненавидят запад» (дневник, запись 15 августа 1847 г.) (Вяземский, 1963: 299).

В современной России «руссофобия» устойчиво ассоциируется с именем де Кюстина. Между тем в европейской, да и русской печати XIX в. слова из этого ряда, насколько мы можем судить, крайне редко встречаются в связи с его книгой. Одно из немногих исключений — свидетельство австрийского публициста Франца Шузельки³, согласно которому в Германии

Кюстина ценили за то, что он выступил как будто на стороне немцев. Французоедство вышло из моды, [...] а руссофагия стала коньком всех немецких либеральных газет ([Schuselka], 1844: 41).

В 1844 г. в Париже увидел свет памфлет агента III Отделения Якова Толстого «Россия в 1839 году, привидевшаяся г-ну де Кюстину». В памфлете нет слов «руссофобия» или «руссофоб», зато многократно говорится о страхе Кюстина перед Россией. Верно то, что страх, пронизывающий атмосферу жизни Николаевской империи, — сквозной мотив «России в 1839 году»; этот страх передается и постороннему наблюдателю. Я. Толстой, однако, видит тут, говоря современным языком, фобию, обусловленную психологическими комплексами самого маркиза: «Г-н де Кюстин всего боится; но он наслаждается своим страхом [...]»; «Он предпочел провести несколько месяцев, которые он посвятил нам, чтобы бояться всего и отомстить за этот страх, оклеветав нас [...]» ([Tolstoï], 1844 : 67).

В отклике немецкого еженедельника «Grenzböten» на памфлет Я. Толстого «руссофобия» — синоним «страха перед русскими» (Russenfurcht), причем это понятие связано с ходом мыслей самого Толстого (Notizen, 1844: 392):

³Ф. Шузелька (1811–1886) — депутат Франкфуртского парламента в 1848 г., участник Венского восстания.

В своем сочинении против Кюстина Толстой оппонировал страху перед русскими. Это разумно и естественно со стороны русского агента. Но стоит ли верить, что существуют немцы, по своему добродушию считающие русофобию смехотворной и удивляющиеся антироссийской мобилизации немецкой печати? [...] Страх перед русскими можно выставлять на смех, если он порожден фантастическими видениями «солдатского переселении народов», мирового господства казаков. Но [...] страх перед русскими — не то слово, которым можно охарактеризовать чувства, преобладающие по отношению к Петербургу. Надеюсь, никто не поверит, что мы боимся героизма, непобедимого духа и моральной силы великого и свободного русского народа. [...] Россию бояться не как честного врага, а как [непрощенного] друга семьи, доносчика, натравливателя, соглядатая и сеятеля всяческого недоверия и разногласий. Неужели немецкие университеты, немецкая печать, немецкие конституции никогда не ощущали северного влияния, веющего ночным холодом?

Тогда же в немецкой печати цитировалась неназванная английская газета, в которой книга де Кюстина оценивается как аргумент в пользу *бесосновательности* «русофобии», т. е. страха перед русским могуществом (Vom Main, 1844: 197–198):

Когда несколько лет назад русофагия⁴ достигла высшей точки, мы говорили, что эта книга лишний раз подтверждает: в Российской империи отсутствуют все условия для того, чтобы стать универсальной монархией. Вольтер открыл, Наполеон доказал слабость России.

***

В письме Ф. Ф. Вигеля к Гоголю от 18 февраля 1847 г. «русобобами» впервые названы «внутренние» критики русской действительности, прежде всего литераторы «натуральной школы». Письмо представляет собой восторженный отклик на «Выбранные места из переписки с друзьями» и в то же время — лишь слегка завуалированное осуждение Гоголя как автора «Ревизора» и «Мертвых душ» (Гоголь, 2009: 239):

Когда [...] в первой молодости [...] встречали вы часто множество гнусных пороков и, вооружив руку вашу огромным хлыстом, перевитым колючим тернием, с ожесточением, без милосердия, стали стегать в них⁵: тогда эти люди (поричатели «Выбранных мест...». — *К. Д.*) с остервенением вам рукоплескали. Что побуждало их к тому? любовь ли к родине, коей сынам чаяли они от того исправления? ненависть ли к ней за неудачи свои, в коих, право,

⁴В английском оригинале использовалось, вероятно, слово «Russophobia».

⁵Гоголевскую комедию Вигель считал «клеветой в пяти действиях» (письмо к М. Н. Загоскину от 31 мая 1836 г.) (Гоголь, 1967: 479).

не она и не Правительство, а природа их была виновата? Невольно надобно придерживаться последнего мнения; ибо [...] усердно искали они сближения со всеми отъявленными Руссофобами, в числе коих и вы были ими помещены.

В 1856 г. это письмо опубликовал П. А. Кулиш в сокращенном и отредактированном виде; в частности, вместо «Руссофобами» стоит «Руссофагами» со сноской «т. е. Руссоедами»⁶ (Кулиш, 1856: 115). Почти полностью письмо напечатал Н. В. Сушков в 1858 г.

В рецензии Добролюбова письмо Вигеля названо клеветой «на всю послегоголевскую литературу нашу, в которой только что и начинает проявляться истинно-народная русская мысль», а также клеветой на Белинского — «человека, который сгорал любовью к родине, который понимал и ценил ее больше, чем тысячи Вигелей» ([Добролюбов], 1858: 43).

На исходе Николаевской эпохи Вигель писал, что общество, собиравшееся в 1830-е годы в московском салоне Екатерины Левашовой, «состояло из руссофобов, а еще гораздо более из руссофобок» («Москва и Петербург» (1853); очерк распространялся в списках) (Вигель, 1893: 578). Другом Левашовой был Чаадаев, ее салон посещали будущие западники 1840-х годов. Однако Вигель осуждает «руссофобов» отнюдь не со славянофильских позиций; славянофилы для него — «немцы новейших времен», в них «нет ничего русского» (там же: 579). Для Вигеля определяющий признак «руссофоба» — критическое отношение к русской действительности. «Руссофобскими» он, конечно, должен был счесть и напумевшие строки из стихотворения А. С. Хомякова «России» (март 1854): «В судах черна неправдой черной // И игом рабства клеймена» и т. д.

Концепция «внутренней руссофобии», или, как стали говорить в конце XX в., «руссофобии русских», получила продолжение у Тютчева, о чем речь пойдет ниже.

***

Судя по выборочному просмотру болгаринской «Северной пчелы»⁷ эпохи Крымской войны, слово «руссофобия» там не использовалось, хотя, безусловно, было известно Булгарину из английской и французской печати. Об этом явлении он говорит описательно, в том же значении и в тех же выражениях, что и английские критики «руссофобии»:

⁶Обе эти формы, заимствованные из немецкого языка (die Russophagie, die Russenfresserei), были довольно редки в русской печати.

⁷Единственная в то время газета на русском языке, имевшая политический отдел.

«страшный призрак, который не дает Англии покоя ни днем ни ночью» (т. е. угроза владычеству Англии в Индии и Центральной Азии) (Булгарин, 1854а: 253).

Они создали себе, разумеется, в воображении, какой-то страшный призрак (*fantôme*), назвали его *Россией*, поверили на слово политическим комедиантам, будто Россия хочет завоевать Турцию и Италию [...] (Булгарин, 1854b: 543).

Соответственно, слово «русифил» в значении «критик русофобии» заменяется русским эквивалентом: английские газеты «всех благоназванных людей в Европе [...] называют русскими приверженцами» (Булгарин, 1854с: 269).

После Крымской войны и начала Великих реформ образ России в европейском общественном мнении претерпел существенные изменения. Русский дипломат Василий Сергеевич Неклюдов в памфлете, напечатанном по-французски в 1862 г., под «русофобией» понимает критику николаевского царствования ([Neklyudov], 1862 : 24):

Есть [...] во Франции партия, [...] в которой г-н де Мазад, несомненно, считается искуснейшим пером, партия, для которой русофобия — простите мне это выражение — стала сектантским убеждением, а ненависть к императору Николаю служит символом веры.

Имелась в виду статья писателя и публициста Шарля де Мазада (1820–1893) в «*Revue des Deux Mondes*», в которой дается вполне доброжелательная оценка положения дел в России. Автор с осторожным оптимизмом смотрит на преобразования Александра II, противопоставляя их курсу предыдущего царствования, когда

Россия [...] была великой неизведанной страной за пределами цивилизованного и европейского круга с закрытой внутренней жизнью, полной загадок (*La Russie sous l'empereur Alexandre II*, 1862 : 257).

Крымская война сыграла «своего рода цивилизаторскую и либерализующую» роль, став

отправной точкой того неожиданного движения, которое мы наблюдаем сегодня и которое *породило новую нацию* (курсив наш. — К. Д.) (*ibid.* : 259).

В современной России де Мазад находит сходство с Францией кануна 1789 г., а гарантию против революции видит в продолжении реформ.

Памфлет Якова Толстого «Франция и Россия», написанный в разгар Польского восстания 1863 г., начинается с заявления ([Tolstoï], 1863 : 5):

Ряд французов страдает тяжелым заболеванием — русофобией. Симптомы вызывают тревогу, и болезнь, если не принять меры, может перейти в хроническую форму.

Множество раз употребленные в памфлете выражения «руссофобия», «руссофобы», «руссофобские газеты» характеризуют враждебность французского общественного мнения к России в связи с восстанием.

В другом русском официозном сочинении, опубликованном за подписью «Alexandre de Moller», «одним из самых абсурдных образцов полонофильской русофагии (*la russophagie*)» названы сочинения Ф. Духиньского⁸ (Moller, 1883 : 447 (2-я паг.)).

В разгар Восточного кризиса 1870-х годов в Берлине на немецком языке вышел обширный памфлет «Руссофобия в Восточном вопросе» за подписью «Eugen Vasil'ev» (вероятно, псевдоним). Ряд немецких газет обвинялся здесь в «туркомании и славянофобии, высшей точкой которой является руссофобия» (Vasil'ev, 1877: 126). Больше всего досталось «Аугсбургской газете»⁹, виновной, по мнению автора, в «руссофобии» и «галлофобии» одновременно (*ibid.*: 17):

Было время, когда аугсбургжанка была более русской, чем «*Journal de St. Petersbourg*»¹⁰ [...]. Тогда она была еще молода, миниатюрна и красовалась в голубом одеянии. Но *souvent femme varie, bien fol est qui s'y fie*¹¹; она выросла и поменяла цвет; ее девическая руссофилия исчезла, превратившись в нечто прямо противоположное; ее мучает помрачающая разум руссофобия, которая, как и всякая фобия, может передаваться через укусы¹², ведь, чтобы укусить соседа, беззубый, слюнявый рот старой карги куда пригодней, чем жемчужные зубки юности.

И «хотя руссомания юной аугсбургжанки прошла, подобно детской болезни, она все же оставила после себя некоторые расстройства, поскольку вскоре газета заразилась другими маниями¹³ и фобиями: тевтономанией, австроманией, галлофобией и т. д., и т. д. [...] (*ibid.*: 126).»

⁸Франциск Духиньский (1816–1893) — польский историк и этнограф, автор теории, согласно которой русский народ («москальи») исключался из числа славянских.

⁹«*Gazette d'Augsbourg*» («*Allgemeine Zeitung d'Augsbourg*») — влиятельная ежедневная газета, издавалась с 1798 г.

¹⁰Официоз русского Министерства иностранных дел. В 1830-е годы «Аугсбургскую газету» нередко обвиняли в излишней благожелательности к России.

¹¹«Женщина непостоянна, глупец, кто ей верит» — цитата из драмы В. Гюго «Король забавляется» (1837).

¹²Здесь «руссофобия», как это нередко случалось и в западной печати, сближается с «гидрофобией» (водобоязнь), т. е. тогдашним медицинским наименованием бешенства.

¹³«Мания» означает здесь то же, что и «филия».

В том же ряду упоминается «Allgemeine Zeitung»,

которая никогда не испытывает недостатка в пламенном красноречии, если речь идет о выражении ненависти к славянам в целом и к русским в частности (о чехах она всегда отзывается свысока и пренебрежительно и не менее пренебрежительно — о поляках), но не нашла ни одного слова сочувствия по поводу резни в Болгарии [...]. Из-за русофобии она впала в ту же ошибку, что и г-н Ньюдегейт¹⁴, когда он прямо признал: католики хотели бы разжечь зверства [в Турции] из ненависти к православным (Vasil'ev, 1877: 39).

После покушения Александра Соловьева на Александра II (2 апреля 1879 г.) газета «République française» выразила опасение, что оно станет сигналом для подавления всего тяготеющего к либерализму в России (здесь и далее цитирую изложение в лондонской «The Standard»). Газета «Le Nord» (Париж), полуофициальный орган русского правительства, заявила, что «République française» в своем увлечении русофобией защищает нигилистов и террористов. «The Standard» комментирует (Russia and..., 1879):

Что же касается русофобии, то [...] не следует выставлять защитниками нигилизма и политических убийств тех, кто считает, что завоевательный дух России должен быть обуздан [...].

***

На протяжении всего XIX в. о «руссофобии» в русской печати (так же как в европейской) чаще всего упоминалось в связи с англо-русскими отношениями. Ранний пример использования этого слова в заглавии — статья М. П. Розенгейма «Британская русофобия» в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1868 г. (См. Розенгейм, 1889: III)

В публицистике Ольги Киреевой, адресованной англоязычному читателю, понятие «руссофобия» (как и «англофобия» или «германофобия») фигурирует во внешнеполитическом контексте. «Руссофобия», согласно Киреевой, свойственна не всему английскому обществу, а лишь консерваторам, которые «отождествили патриотизм с русофобией» ([Kiryeva], 1883: 329).

Руссофобская теория мироздания (The Russophobic theory of the universe) заключается в том, что Англия — это Ормузд, а Россия — Ариман Восточного полушария. У нас в России нет аналогов подобного рода взглядов (ibid.: 324).

¹⁴Чарльз Ньюдегейт (1816–1887) — британский политик-консерватор.

В 1883 г. революционер-эмигрант Г. А. Лопатин вспоминал (Русские современники..., 1969: 204):

Энгельс говорил мне, что здесь все убеждены в том, что известный туркофил и русофоб Джонстон Батлер¹⁵ истратил около 3000 ф. ст. [...] на фоментирование [возбуждение, раздувание] польско-русского революционного движения (письмо к П. Л. Лаврову от 29 сент. – 2 окт.).

Это сообщение требует комментария. В 1876 г. во Львове была создана Конфедерация польского народа — заговорщическая организация, имевшая целью поднять вооруженное восстание в русской части Польши при начале Русско-турецкой войны. Батлер-Джонстон выступал в качестве английского эмиссара с неясными полномочиями (см.: Gaw-гойські, 1919). Пытаясь устроить военную диверсию на тылах Российской империи, он руководствовался холодным внешнеполитическим расчетом, не испытывая ни особой любви к полякам, которых он склонял к явно безнадежному кровопролитию и с которыми постоянно конфликтовал на денежной почве, ни вражды к русским. В 1875 г. этот «известный русофоб» опубликовал путевые заметки о поездке на Нижегородскую ярмарку. Как сообщает автор, у него остались «самые лучшие воспоминания о стране, любопытной во всевозможных отношениях, и о дружбе с самыми приятными и интересными людьми на свете» (Munro-Butler-Johnstone, 1875: v).

В переписке художника В. В. Верещагина британская «руссофобия» (в значении «враждебность» / «недоброжелательность» к русским) распространяется на сферу искусства (Верещагин, 1981: 101):

«Times», по отзыву, напр[имер], Моргана, теперь более злой русофоб, чем многие старые русофобские журналы, из котор[ых] только «Daily Telegraph» посетил выставку [Верещагина] [...] (письмо к В. В. Стасову, июль 1879 г.).

Еще одним поводом обвинений европейского общественного мнения в «руссофобии» стали отклики на еврейские погромы 1881–1882 гг. Прежде обычными были утверждения, что антирусские настроения в Европе — результат польской пропаганды. В 1882 г. журнал «Русская речь», издававшийся А. А. Навроцким, ту же роль отводит «жидовской» пропаганде (Внутреннее..., 1882: 22–23, 27):

Руссофобия в Англии есть, как известно, национальная болезнь, нечто вроде, если так можно выразиться, национального маньякизма, по временам

¹⁵ Генри Александр Манро-Батлер-Джонстон (1837–1902) — политик-консерватор.

ослабевающего, притихающего, но никогда не прекращающегося совершенно, временами же доходящего до приступов бешенства. До сих пор болезнь эта, как известно, также коренилась, так сказать, на почве Восточного вопроса. Как в Европе, так еще более в Средней Азии, корень ее главным образом заключался в страхе за Индию. [...] Но вдруг, совершенно неожиданно, самый бешеный взрыв русофобии прорывается [...] по поводу бывших в прошлом году [...] противожидовских беспорядков, произведенных простонародьем, озлобленным поведением самих же жидов относительно народа. «Таймс», став во главе англо-жидовской прессы, [...] выступила против России в сообществе с католическими кардиналами, англиканскими епископами и жидовскими раввинами.

В конце XIX в. «русофоб» — обычное в европейской и русской печати наименование болгарских противников пророссийской ориентации, прежде всего Стефана Стамбулова (Стамболова) (1854–1895). Все они формировались под сильнейшим влиянием русской культуры и, разумеется, отнюдь не питали враждебности к русскому народу.

***

В 1865 г. петербургский корреспондент берлинского журнала сообщал (Korrespondenz..., 1865: 160):

...в нашей печати завязался довольно оживленный спор о культурно-историческом призвании немцев, которые живут в России и составляют у нас особую социальную группу, политическую партию, отчасти отмеченную русофобией.

Здесь «русофобия» означает неприязнь и предвзятое отношение остзейских немцев к России и русским.

О том же говорит П. Д. Боборыкин, описывая, уже в начале XX в., Дерптский университет 1850-х годов (Боборыкин, 1965: 154):

...остзейцы редко могли свободно объясняться по-русски, хотя один из них, профессор Ширрен¹⁶, заядлый русофоб, одно время читал даже русскую историю («За полвека», 1906–1913).

В «Истории Екатерины II» В. А. Бильбасова упоминается «ярый русофоб» — немецкий национал-либеральный историк Самуэль Зугенгейм (1811–1877). Россию он называл кнудодержавой (Knutenstaat),

¹⁶Карл Ширрен (1826–1910) отстаивал привилегии остзейских немцев в Прибалтике; был отправлен в отставку после публикации брошюры «Livländischer Antwort» («Лифляндский ответ») и уехал в Германию.

императрицу Елизавету Петровну — «самой необузданной из всех мессалин», а Екатерину II считал внебрачной дочерью Фридриха II (Bil'basov, von Perzold, 1891: 171; Бильбасов, 1900: 638).

Основная тема компилятивных исторических трудов (а вернее, памфлетов) Зугенхейма — пагубное влияние на историю Германии трех сил: во-первых, католицизма, во-вторых, Франции и, наконец, России. Бильбасов цитировал книгу «Влияние России на Германию...» (1856). Здесь среди прочего утверждалось, что

в русском языке нет слова для понятия *честь*, зато он богат обозначениями понятий *ложь*, *хитрость*, *обман*; и вся русская история представляет собой практический комментарий к изобилию второго и нехватке первого (Sugenheim, 1856: xxii).

Стоит отметить, что в тогдашней немецкой печати опус Зугенхейма был встречен весьма критически. Консервативно-либеральный еженедельник «Literaturblatt» счел «достойным порицания озлобление и цинизм, с которыми Россия постоянно именуется „кнудержавой“¹⁷» (Rußlands Einfluß auf... Zweiter Band, 1857: 33). Католическая аугсбургская газета осудила «постоянные ругательные слова, такие как „кнудержава“ и прочее». «...Для Германии Реформация и ее использование французской и шведской политикой были более пагубны, чем влияние России» (Rußlands Einfluss auf..., 1856). Во влиятельной «Allgemeine Zeitung»¹⁸ сочинение Зугенхейма названо «одной из самых подлых и недостойных книг», опубликованных в Германии за последнее время.

...Если бы нравственный облик нынешних немцев был таким же, как облик г-на Зугенхейма в этом труде, то *кнудержава*, его излюбленное наименование России, стала бы для них благодеянием и необходимостью; во всяком случае, следует пожелать, чтобы сочинителей таких книг отправляли туда, где их можно лучше держать под присмотром (Frankfurt..., 1858).

***

Особый интерес представляет трактовка понятия «руссофобия» Тютчевым в письме к А. Ф. Аксаковой на французском языке от 20 сентября 1867 г. Прежде всего следует прояснить контекст тютчевского высказывания.

¹⁷Это выражение Зугенхейму не принадлежит; оно встречалось уже в 1846 г.

¹⁸Газета считалась надпартийной; в 1830–1840-е годы в ней сотрудничали Г. Гейне и Ф. Энгельс, но рецензия написана скорее с консервативных позиций.

Поводом послужило письмо Ф. М. Достоевского к А. Н. Майкову от 16 / 28 августа 1867 г., где Достоевский делился впечатлениями от встречи с Тургеневым в Баден-Бадене (Дзо. Т. 28: 210):

...его книга «Дым» меня раздражила. Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: «Если б провалилась Россия, то *не было бы* никакого ни убытка, ни волнения в человечестве». Он объявил мне, что это его основное убеждение о России.

Достоевский продолжает:

...Все эти либералишки и прогрессисты, преимущественно школы еще Белинского, ругать Россию находят первым своим удовольствием и удовлетворением. Разница в том, что последователи Чернышевского просто ругают Россию и откровенно желают ей провалиться (преимущественно провалиться!). Эти же, отпрыски Белинского, прибавляют, что они любят Россию. А между тем не только всё, что есть в России чуть-чуть самобытного, им ненавистно, так что они его отрицают и тотчас же с наслаждением обращают в карикатуру, но что если б действительно представить им наконец факт, который бы уж нельзя опровергнуть или в карикатуре испортить, а с которым надо непременно согласиться, то, мне кажется, они бы были до *муки*, до боли, до отчаяния несчастны.

Здесь же в уста Тургенева вложено мнение, что «мы должны ползать перед немцами», и фраза: «...я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!» (там же: 211)

Майков предал письмо огласке, о чем Тургеневу стало известно в конце 1867 г. В письме к П. И. Бартеневу от 22 декабря 1867 (3 января 1868) г. он в самых резких выражениях отвергает приписанные ему «мнения возмутительные и нелепые о России и русских».

...Выражать свои душевные убеждения пред г. Достоевским я уже потому полагал бы неуместным, что считаю его за человека, вследствие болезненных припадков и других причин, не вполне обладающего собственными умственными способностями [...]. Он высидел у меня не более часа и, облегчив свое сердце жестокою бранью против немцев, против меня и моей последней книги, удалился; я почти не имел времени и никакой охоты возражать ему: я, повторяю, обращался с ним, как с больным. Вероятно, расстроенному его воображению представились те доводы, которые он предполагал услышать от меня, и он написал на меня свое... донесение потомству (Тургенев, 1964: 17).

Здесь «донесение» — эвфемистическая замена «доноса».

Истина, как мы полагаем, находится где-то посередине: Достоевский не сочинил разговор целиком, но изложил его в редакции, которую Тургенев имел все основания считать пасквильной. В романе «Дым» (гл. 14) об абсолютной ничтожности вклада России в мировую культуру говорит Пигасов. Автор романа нередко влагает в его уста собственные мысли (как, например, Достоевский — в уста «подпольного человека»), однако в данном случае Пигасов, впадая в полемический задор, вторит не столько западникам сороковых годов, сколько Чаадаеву¹⁹. Роль Тургенева как посла русской культуры в Европе хорошо известна. Еще менее мог он заявить, что «считает себя за немца, а не за русского» — Тургенев мог сказать лишь то, что написано в его предисловии к немецкому переводу «Отцов и детей» (1869): «Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не чтить ее как мое второе отечество» (Тургенев, 1968: 101). Тут необходимо отметить, что в 28-томном собрании сочинений Тургенева (там же) и во всех более поздних почему-то дан явно неверный перевод с немецкого: «...и не иметь ее как мое второе отечество» (там же: 102) — вместо принятого ранее «читать» или «почитать» (zu verehren). В таком грубо искаженном виде обычно и цитируется это высказывание на протяжении последнего полувека.

Тютчев, процитировав фрагмент из письма Достоевского, предлагает И. Аксакову написать статью на затронутую в ней тему (Тютчев, 2004: 269; перевод наш²⁰. — К. Д.):

В ней можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологические черты. Это *руссофобия* (*la russophobie*) некоторых русских людей — впрочем, весьма достойных... Прежде они говорили нам, и вполне искренне, что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы слова и т. д., и т. д., а Европа мила им как раз потому, что бесспорно обладала всем этим... Что же мы видим теперь? Когда Россия, приобретя несколько больше свободы, все более самоутверждается, нелюбовь (*l'antipathie*) к ней этих господ лишь усиливается. В самом деле: прежние порядки никогда не вызывали у них столь искренней ненависти (*cordialement haï*), как современные направления национальной мысли (*l'opinion nationale*)... И напротив, мы видим, что никакие прегрешения против правосудия, морали, самой цивилизации в Европе ничуть не уменьшили их расположения к ней.

¹⁹Первое «Философическое письмо»: «Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли [...]. Если бы полчища варваров, потрясших мир, не прошли по занятой нами стране прежде нашего прихода на Запад, мы едва ли бы дали главу для всемирной истории» (Чаадаев, 1989: 25).

²⁰Другой перевод: Тютчев, 1988.

Они по-прежнему сокрушаются о поляках и находят вполне естественной гнусную политику западных держав по отношению к христианам Востока и т. д., и т. д. Словом, в явлении, которое я имею в виду, о принципах как таковых не может быть речи, здесь одни лишь инстинкты, и вот в природе этих инстинктов следовало бы разобраться.

Оговорка «впрочем, весьма достойных (*fort honorables*)» заставляет вспомнить рефрен знаменитой речи Марка Антония у Шекспира («Юлий Цезарь», III, 2): «*For Brutus is an honourable man*» («Однако ж Брут достойный человек»); других убийц Цезаря Антоний столь же саркастически именует «достойными людьми» (во франц. переводе: *hommes honorables*). Этот эпитет явно не относился к демократам-шестидесятникам, которые упоминались в письме Достоевского: полемизировать с ними Тютчев, конечно, считал делом бессмысленным. Речь шла о «людях сороковых годов».

Еще раньше, сразу после публикации «Дыма», Тютчев назвал Тургенева «последним выражением худшего из русских нигилизмов — нигилизма нравственного и душевного бессилия» (письмо к В. И. Ламанскому, апрель 1867 г.) (Тютчев, 2004: 213). Все это приводит нас к выводу, что Тургенев и был ближайшей мишенью письма к А. Ф. Аксаковой, образчиком тех, кто «ненавидит современные (т. е. близкие к славянофильству. — *К. Д.*) направления национальной мысли».

Тургенев, однако, не особенно «сокрушался о поляках»: «Нельзя не желать скорейшего подавления этого безумного восстания, столько же для России, сколько для самой Польши», — писал он П. В. Анненкову в начале 1863 г. (Тютчев, 1988: 90). Точно так же думали его друзья, убежденные западники П. В. Анненков и В. П. Боткин, вместе с абсолютным большинством русской общественности. Именно это стало причиной резкого падения популярности герценовского «Колокола». Под «сокрушением о поляках» Тютчев, надо полагать, имел в виду неодобрительное отношение к методам подавления восстания в Северо-Западном крае, разделявшееся значительной частью русского общества. В стихотворном отклике Тютчева на смерть М. Н. Муравьева-Виленского недоброжелатели покойного автоматически причисляются к врагам России: «Не много было б у него врагов, // Когда бы не твои, Россия» («На гробовой его покров...», 1866) (Тютчев, 1984: 347).

Что же касается «сокрушавшегося о поляках» Герцена, то в эмиграции он резко критиковал «омещанившуюся» Европу, а надежду на ее обновление связывал со славянством; не удивительно, что и Герцен,

и Огарев²¹ встретили «Дым» с явным неодобрением. И едва ли кто в русском обществе, без различия направлений, защищал «гнусную политику» западных держав в отношении восточных христиан. Нарисованный Тютчевым образ русского «весьма достойного» человека, ненавидящего родину «по инстинкту», при ближайшем рассмотрении оказывается фантомом, созданным в полемических целях.

Добавим еще, что слово «русифил», которое (как и «русифоб») в западных языках означало прежде всего внешнеполитическую ориентацию, в России использовалось также в значении «поклонник всего русского» или «славянофил». Для П. А. Вяземского, например, «славянофильство» и «русифильство» — синонимы (Вяземский, 1883: 286), поэтому «русифобия» могла восприниматься как антоним «русифильства» в указанном выше значении.

Достоевский, конечно, разделял мысли, выраженные в тютчевском письме и подсказанные им самим. Спустя десять лет он дал в печати «анализ современного явления», о котором говорил Тютчев, хотя и не прибегая к слову «русифобия». Речь идет о «Плане обличительной повести из современной жизни», опубликованном в «Дневнике писателя» за 1877 г.

Эмигрировали из России, — говорилось здесь, — [...] более или менее ненавидящие Россию, иные нравственно, вследствие убеждения, «что в России таким порядочным и умным, как они, людям нечего делать», другие уже просто ненавидя ее безо всяких убеждений, так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобожденного мужика, за русскую историю, одним словом, за всё, за всё ненавидя (Дзо. Т. 25: 137).

В рассуждениях об этом феномене не забыт и Тургенев, который будто бы начал уже писать по-французски. Между тем Тургенев по крайней мере с 1875 г. множество раз печатно и в переписке с возмущением опровергал сообщения подобного рода.

В процитированном фрагменте речь шла о русских, осевших за границей. Но в Записной тетради Достоевского 1880–1881 гг. инстинктивная ненависть к России — примета либералов-западников как таковых (Дзо. Т. 27: 62):

²¹ Огарев считается прототипом Губарева, сатирически изображенного в «Дыме»: «он и славянофил, и демократ, и социалист, и все что угодно, а именем его [...] управляет брат [...] из тех, что дантистами величали (т. е. любитель кулачной расправы. — К. Д.)» (Тургенев, 1965: 165).

Нам все не верят, все нас ненавидят, — почему? да потому, что Европа инстинктом слышит и чувствует в нас нечто новое и на нее несколько не похожее. В этом случае Европа совпадает с нашими западниками; те тоже ненавидят Россию, слыша в ней нечто новое и ни на что не похожее.

Концепция «внутренней русофобии», начало которой положили Вигель и Тютчев (в соавторстве с Достоевским²²), оказалась по-настоящему востребованной столетие с лишним спустя.

***

Согласно электронной базе данных East View, в пяти центральных советских изданиях («Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советская культура», «Огонек») слово «рус(с)офоб» и однокоренные слова встречаются:

- ◇ в 1917–1936 гг. — 15 раз;
- ◇ в 1937–1975 гг. — 2 раза, т. е. почти на целое сорокалетие выпадают из актуального политического словаря;
- ◇ в 1976–1987 гг. — 11 раз;
- ◇ в 1988–1991 гг. — 132 раза, т. е. стремительно входят в язык публицистики.

Долгое время «руссофобия» и родственные слова относились преимущественно к историческому прошлому, а также упоминались как принадлежность национализма в «национальных республиках», например:

Европеизм, русофобство²³ и воинствующий национализм [...] — вот особенности идеологии Нечуя-Левицкого (цитата взята из статьи В. И. Коряка «С. Нечуй-Левицкий» (1928) на укр. яз.) ([П. К.], 1932: 139);

...Руссофобия, буржуазный национализм, стремление дезинтегрировать советский народ по-прежнему остаются характерными чертами идеологических установок прибалтийской буржуазной эмиграции (Прибалтийская..., 1979: 140).

В 1917 г. «Правда» назвала «шовинистами и ярыми руссофобами» правое крыло польских социалистов во главе с Ю. Пилсудским (т. н. «фраки» — «революционная фракция» Польской социалистической партии) (Разоблаченные клеветники, 1917). В первые годы советской власти

²²В 1840-е годы Достоевский полностью разделял взгляды «школы Белинского» на творчество Гоголя, а значит, был одним из тех «руссофобов», которых клеймил Вигель за 20 лет до Тютчева.

²³Эта форма появилась не позднее 1870-х годов.

«руссофобской» называли также политику Эстонии и Финляндии по отношению к Советской России.

Редкий пример использования слова «руссофобство» в актуальном культурном контексте можно найти в статье о I Всесоюзной олимпиаде искусства народов СССР (1930). Автор говорит о

борьбе на два фронта — с великодержавным шовинизмом, пренебрежением к нерусскому искусству СССР, и с национальной ограниченностью, с руссофобством и ориентацией на «западную культуру» [...] (Глебов, 1930: 11).

Здесь «руссофобство» (надо полагать, деятелей «нерусского искусства») означает ориентацию на буржуазную западную культуру.

В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова (1939) слов «рус(с)офобия, рус(с)офобство» нет, а слова «руссофоб» и «руссофил» даются с пометой «книжное, историческое», причем на первом месте стоит внешнеполитическое значение обоих слов:

- ◇ «РУССОФОБ [...] Противник политики сближения с Россией; человек, ненавидящий русских, русское»;
- ◇ «РУССОФИЛ [...] Сторонник политики сближения с Россией; человек, расположенный к русским, к русскому» (Толковый словарь русского языка, 1939: стб. 1408).

В словаре Ожегова (1-е изд.: 1949) слово «руссофобство» дается с пометой «книжное» и с единственным значением: «Ненависть, неприязнь ко всему русскому» (Ожегов, 1949: 727).

В академическом словаре литературного языка (Словарь современного русского литературного языка, 1961) «руссофобство» — «образ мыслей и действий руссофоба». «Руссофоб» же определяется как «человек, ненавидящий русских и русское», с иллюстрацией из романа С. Н. Сергеева-Ценского «Пушки заговорили» (1956): «Из „руссофила“ вышел яростный руссофоб [...]» (там же: стб. 1581). В романе речь идет о германском императоре Вильгельме II, который никогда не был «руссофилом» в смысле «человеком, предпочитающим все русское», как определяется это слово в академическом словаре, а был лишь сторонником дружественных отношений с Россией. Соответственно, оппозиция «руссофил — руссофоб» и здесь отсылает прежде всего ко внешнеполитической ориентации.

В «Историческом словаре галлицизмов русского языка» (Епишкин, 2010) «руссофобия» определяется как «ненависть к русским и русскому», но единственная иллюстрация опять-таки не соответствует этому определению: «Твоя приветливость, веселое настроение и юмор на время

даже рассеяли мой мрачный пессимизм, или вернее сказать, удручающую руссофобию» (В. Д. Поленов в письме к И. Е. Репину, январь 1899 г.) (Поленов, 1950: 305). Словом «руссофобия» художник обозначает свое удручающее, пессимистическое впечатление от русской действительности, но, конечно, не «ненависть к России и русскому».

***

Чаще других эмигрантских авторов о «руссофобии» писал Н. К. Рерих. В его заметке «Антифобин» с датой «23 сентября 1940 г.» (опубл. посмертно) «руссофобия» упомянута в числе других национальных фобий, охвативших Европу с началом мировой войны, включая германо- и юдофобию (Рерих, 1995a: 354):

Наряду с ненавистью воспряла и отвратительная сестра ее — подозрительность. Все заподозрено, все охаяно, все осквернено. Можно ли сейчас говорить о Гете, о Шиллере, о Вагнере, как бы не попасть в пятую колонну! Можно ли слушать еврейские хоры Мусоргского или «Кадиш» в исполнении Кошиц, это будет уже юдофильство. Всевозможные фобии разрослись. Среди англичан пресловутая руссофобия не только не вымерла, но даже как-то окрепла. Вообще вся Европа, да проще сказать, весь мир полны всяких фобий.

Под «окрепшей руссофобией» англичан, конечно, имелось в виду резко ухудшившееся отношение к СССР после заключения пакта Молотова — Риббентропа со всеми его последствиями. Эта конъюнктурная «руссофобия» сменилась столь же конъюнктурной «руссофилией» после 22 июня 1941 г.

В послевоенных письмах Рериха, адресованных в СССР, «руссофобия» упоминается многократно — обычно по поводу предвзятого, по мнению автора, отношения американцев к русскому искусству (Рерих, 1995b: 524):

В Америке произошла свирепая руссофобия. [...] Музей в Канзас-Сити выбросил на аукцион весь русский отдел: и Верещагина и Анисфельда и всех. [...] Вот до чего озверели янки против всего русского. [...] Руссофобия гнездилась издавна. Помнишь зверский разгром русского отдела на выставке в СЛуи в 1906 году, когда пропали 800 русских картин, а затем разгром советского павильона на выставке в Нью-Йорке? (письмо к И. Э. Грабарю от 24 марта 1947 г.)

Необходимо заметить, что сообщаемые здесь факты либо неверны, либо крайне неточны. Экспозицию русских художников на всемирной выставке в Сент-Луисе (1904) организовал русский подданный

Э. М. Гринвальдт; из-за его нераспорядительности, а возможно, и прямых злоупотреблений картины были распроданы на аукционах. Полотно Рериха приобрел У. С. Портер — личный врач Джека Лондона; позже он передал их в Оклендскую художественную галерею. После закрытия Всемирной выставки в Нью-Йорке (1939–1940) огромный советский павильон был в целости и сохранности перевезен в Москву. Художественный музей в Канзас-сити, насколько нам известно, не обладал сколько-нибудь значительным собранием русской живописи.

Частью системного политического дискурса «русофобия» стала в послевоенной публицистике философа И. А. Ильина, собранной в двухтомнике «Наши задачи» (1956). Западные народы, говорилось здесь, не знают России, не уважают ее и не любят ее. Они привыкли бояться ее размеров и ее мощи и от страха и зависти — то и дело думают о ней неподобное и проносят о ней печатно всякую глупость и гадость («Без карьеры», 1948) (Ильин, 1993: 58).

В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы», — так мир изобилует «русофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех («Против России», 1948) (там же: 65).

Именно Ильин создал концепцию «мировой закулисы», т. е. наднациональной правящей элиты Запада, главная отличительная черта которой — антироссийская направленность, вплоть до стремления расчленить Россию (см.: Душенко, 2022а). В близком смысле о «русофобии» говорилось в позднейшей эмигрантской печати, прежде всего монархической.

На рубеже 1960–1970-х годов тему «русофобии» затронули видные представители первой волны эмиграции, далекие от правомонархических взглядов: редактор «Нового журнала» Роман Гуль и редактор «Русской мысли» Зинаида Шаховская — причем теперь уже имелись в виду не только иностранцы, но и недавние советские эмигранты.

Гуль отказался печатать статью Аркадия Белинкова «Декабристы», не без оснований увидев в ней «охуление дореволюционной России как таковой» (Гуль, 1973: 221, 225):

Считаю русофобскую «концепцию» А. В. Белинкова политически крайне вредной. [...] Думаю, что нет лучшего подарка большевицкой диктатуре, чем

русофобская пропаганда о том, что русскому народу «никакая свобода не нужна», что русский народ «обожает душителей», что русский народ это — «стадо предателей, палачей и свободоненавистников». На Западе есть любители такой теории (недалеко ушедшей от розенберговской) («Об инсинуациях и русофобии», опубл. в «Новом русском слове» 14 нояб. 1970).

Согласно З. Шаховской,

непрекращающаяся русофобия, которая существовала и до революции, [...] поддерживается политическими эмигрантами за границей, работающими на умаление русского народа. [...] Это единственная «народофобия», которая почему-то не осуждается никем («От частного к общему», опубл. в «Русской Мысли», 1971, № 2821) (Шаховская, 1978: 81).

***

В базе центральной советской печати East View (см. выше) из двух упоминаний о «руссофобии» в период 1937–1975 гг. одно принадлежит левому американскому журналисту Альберту Кану²⁴, а второе — цитата из Рериха, в которой «руссофобия» отождествляется с антисоветизмом (Пусть всё от народов наших..., 1962):

И понятны всякие руссофобии — зависть заела, корысть иссушила. Почему де столько дано всесоюзным народам? [...] Почему единодушна семья всесоюзная? [...] Откуда непобедимая любовь к Родине? [...] Не сознаются завистники, как злора кипит, видя славные достижения (письмо к И. Э. Грабарю от 26 июня 1947 г.).

В 1976 г. «Известия» осуждают «откровенную руссофобию» сионистов, т. е. утверждения о неравноправном положении евреев в СССР (Несокрушимая сила советской культуры, 1976). Два года спустя Валентин Сидоров в «Огоньке», цитируя высказывания Рериха, отмечает (Нью-Йорк. По маршруту Н. Рериха [Окончание], 1978: 26):

Для Рериха слово «руссофобия» охватывает всё: и предубеждение против русского народа вообще, и враждебное отношение к новым идеям, которые воплощает в жизнь современная Русь.

Упоминание «руссофобии» и антисемитизма в общем контексте стало нередким с 1970-х годов, сначала в эмигрантской и самиздатской, а затем и в советской печати. Правда, оба эти понятия мы находим уже в рецензии Н. Осинского на «Закат» И. Бабеля в постановке Второй

²⁴«Известный руссофоб, бывший президент США Герберт Гувер» предупреждает об угрозах со стороны СССР накануне визита Хрущева в США (Кан, 1959).

студии МХАТа (1928), однако и «руссофобия», и антисемитизм оказываются здесь иллюзорными. Осинский отвечает зрителю, назвавшему спектакль «совершенно антисемитской постановкой» (Осинский, 1928):

По поводу того, что Леонов в «Унтиловске»²⁵ изображает одних только негодяев и никчемных людей, никому не приходит в голову обвинять его в клевете на русскую народность. Но не потому только, [...] что «руссофобство» в литературе «господствующей» народности напрасно было бы искать. А потому, что бранить его надо за другое: за влечение, род недуга, к мешанскому «подполью» [...]

— и то же самое, по мнению рецензента, относится к Бабелю.

«Руссофоб» в одном ряду с «охотнорядцем» и «антисемитом» выведен в сатире А. Безыменского времен разгара холодной войны («Мистер Грэболл идет на откровенность», 1954; авторская датировка: 1952–1953). Банкир Грэболл, олицетворение американского империализма, задается вопросом: «Где ж эта пятая колонна, // Что может подорвать Россию — изнутри?» (Безыменский, 1958: 166). Роль «пятой колонны» отводится всевозможным пережиткам прошлого в сознании советских людей, включая межнациональную рознь:

Глядишь — хоть где-нибудь нашлись охотнорядцы,
Расисты разных рас, птенцы различных наций,
Но все из одного фашистского гнезда.
Я счастлив, коль грузин к армянам пишет злобой,
Когда латыш — татар, казах — туркмен клеймит.
Соратник, лучший друг — при этом высшей пробы —
Мне каждый руссофоб, любой антисемит (там же: 169).

С конца 1970-х годов в державно-националистической публицистике «руссофобия» оказывается уже главной угрозой и наиболее опасной формой антисоветизма. Видный «молодогвардейский» критик Юрий Селезнев указывал (Созидающая память, 1977: 23):

...отличительной чертой идеологических установок антисоветской деятельности (и прежде всего сионизма) становится открытая руссофобия, которая проявляется, в частности, и в разного рода попытках ревизии, очернительства нашей национальной истории, нашего культурного наследия от Слова о полку Игоревом до Тихого Дона, замалчивания или превратного толкования творчества современных русских писателей [...].

²⁵ Пьеса, поставленная в Первой студии МХАТа в 1928 г.

...Антисоветизм все более явно обнаруживает формы откровенной русофобии. Русофобия есть не что иное, как стратегия империалистического «первого удара» по нравственному центру нашей державы, по самой важной крепости нашего Союза (Златая цепь..., 1984: 318).

***

С начала 1980-х годов тема «внутренней русофобии» заняла видное место в «русском альманахе» «Вече» (Мюнхен). Здесь акценты были расставлены существенно иначе, чем у Гуля и Шаховской (Зарубин, 1981: 193, 194):

Русофобством [...] занимается маленькая, но очень активная и настырная группа третьей эмиграции, выехавшая легально в Израиль, но не доехавшая туда [...].

Русофобствующая группка стала нахально нападать на нас, на нашу историю, на Власовское движение, на Православное возрождение, на многострадальный русский народ и т. д.

Наиболее заметную роль в популяризации понятия «руссофобия» сыграл одноименный памфлет Игоря Шафаревича (самиздат, 1982; датировка в книжных публикациях: 1978–1983).

Непосредственными объектами полемики были тамиздатовские и самиздатовские публицисты: Г. Померанц, А. Амальрик, Б. Шрагин, А. Янов, А. Синявский и др., а из западных авторов — Ричард Пайпс. Для этих авторов, согласно Шафаревичу, характерно выведение русской истории из особенностей русского национального характера, а также осуждение русского мессианизма как предтечи советского коммунизма (Шафаревич, 2005: 3; далее цитируется то же издание). Русские изображаются как «народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкающихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре», а Россия — как «вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира» (там же: 10). «Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада» (там же: 4).

Видную роль в памфлете играет концепция «малого народа». Этот термин автор заимствует у французского историка Огюстена Кошена (1876–1916), существенно переосмысливая его содержание. Согласно Кошену в изложении Шафаревича, «решающую роль во французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах

и академиях, масонских ложах, клубах и секциях²⁶. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: „Малый Народ“ среди „Большого Народа“. Можно было бы сказать — антинарод среди народа [...]» (Шафаревич, 2005: 20). Таким «малым народом» были кальвинисты, пуритане, просветители, а в России XIX в. — участники «либерального, нигилистического, террористского и революционного движения», т. е. «орден интеллигенции» (там же: 24, 28). В качестве подтверждения приводится цитата из письма Достоевского к Майкову о ненавидящих Россию «натурально, физически» (см. выше).

Чувства, которые движут адресатами памфлета, полагает Шафаревич, «трудно иначе характеризовать как РУСОФОБИЮ (причем вполне подходят оба смысла, вкладываемые в термин „фобия“, — страх и ненависть). А ненависть к одной нации, скорее всего, связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой» — т. е. к еврейской как «ядру „Малого Народа“». Правда, оговаривается Шафаревич, среди ведущих публицистов «Малого Народа» можно встретить русских и украинцев, но его роль «без этого [еврейского] влияния [...] была бы, вероятно, гораздо меньше» (там же: 31, 34). Решительное большинство упоминаемых в памфлете авторов — еврейского происхождения, а скрытая русофобия усматривается, в частности, в диалогии Ильфа и Петрова и песнях Галича и Высоцкого.

Памфлет Шафаревича, наряду с публицистикой И. Ильина, публиковавшейся в СССР с конца 1980-х годов, задал тон в трактовке понятия «руссофобия» державниками-патриотами и националистами всевозможных оттенков, а позднее — заметной частью академических исследователей.

Это нашло отражение и в лексикографии, вплоть до определений наподобие следующего (Мостицкий, 2013):

Руссофобия — патологическая, в значительной мере неосознаваемая ненависть к индивидам, которые идентифицируют себя с русской многонациональной культурой, а также к самой этой культуре и ее символам (русскому языку, русской литературе и др.) (курсив наш. — К. Д.).

В другом сетевом словаре слово «руссофобия» дается как медицинский термин, т. е. причисляется к психическим отклонениям: «Руссофобия —

²⁶В сущности, тут мы имеем дело с разновидностью концепции революции 1789 г. как просветительско-масонского заговора, впервые изложенной иезуитом Огюстеном Баррюэлем в 1800 г.

мед. страх перед Россией и русской культурой (разновидность фобии)» (Мостицкий, 2005/2012).

Тем самым интерпретация понятия «руссофобия» у Я. Толстого, Вигеля, Тютчева, Ильина, Шафаревича доводится до своего логического конца.

***

Итак, вплоть до первых десятилетий XX в. «руссофобия» у русских авторов чаще всего означала антирусскую внешнеполитическую ориентацию либо негативное отношение к России как государству, в частности, в связи с польским, а затем и еврейским вопросом. В 1847 г. Ф. Ф. Вигель назвал «руссофобами» «внутренних» критиков русской действительности. Этот подход получил продолжение у Тютчева в 1867 г. Ближайшей мишенью был в данном случае И. С. Тургенев как знаковая фигура западнического либерализма.

В советской печати «руссофобия» и родственные слова долгое время относились главным образом к историческому прошлому, а со 2-й половины 1930-х и до середины 1970-х годов практически выпали из языка публицистики. Затем появляется трактовка «руссофобии» как формы антисоветизма. В послевоенной публицистике эмигрантского философа И. А. Ильина «руссофобия» — свойство наднациональной правящей элиты Запада, «мировой закулисы». В памфлете И. Шафаревича «Руссофобия» (1982) тема «внутренней руссофобии» развивается применительно к советским интеллектуалам преимущественно еврейского происхождения. Этот памфлет, наряду с воззрениями И. Ильина, на рубеже 1980–1990-х годов сыграл решающую роль в трактовке понятия «руссофобия» державниками-патриотами и националистами всевозможных оттенков.

Резкий всплеск интереса к понятию «руссофобия» датируется концом 1980-х годов, и это обстоятельство крайне симптоматично. Именно в этот период образ СССР и России в общественном мнении Запада заметно изменился к лучшему, а Горбачев стал самым популярным политиком в мире. Отсюда можно заключить, что нарастание числа упоминаний о «руссофобии» было вызвано не внешними (как это было в XIX в.), а внутренними причинами.

Долгое время «руссофобия» в русскоязычной печати упоминалась в ряду прочих национально-государственных фобий, но на исходе XX в. положение разительно изменилось. В газетном Корпусе русского языка за период с конца 1990-х по 2020 г. насчитывается 1548 вхождений

морфемы «руссофоб» и лишь 20 — морфем «американофоб», «германофоб», «англофоб», «франкофоб» и «полонофоб», вместе взятых. Такое соотношение, по-видимому, предполагает весьма специфическую картину мира.

СОКРАЩЕНИЯ

- Дзо *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / под ред. В. Г. Базанова, Г. М. Фридлиндера, В. В. Виноградова. — М., Л. : Наука, 1972—1990.
Т. 25 : Дневник писателя за 1877 год. Январь — август / под ред. В. Г. Базанова, А. В. Архиповой. — 1983—1990.
Т. 27 : Дневник писателя, 1881. Автобиографическое. Dubia / под ред. А. М. Березкина. — 1984—1990.
Т. 28 : Письма, 1832—1859 / под ред. В. Г. Базанова. — 1985—1990.

ЛИТЕРАТУРА

- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22 т. Т. 1. — СПб. : Погодины, 1888.
- Безыменский А. И.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. — М. : Гослитиздат, 1958.
- Бильбасов В. А.* История Екатерины Второй. В 2 т. Т. 1. — Берлин : Ф. Готтгейнер, 1900.
- Боборыкин П. Д.* Воспоминания. В 2 т. Т. 1. — М. : Художественная литература, 1965.
- Булгарин Ф. В.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. — 1854а. — Март. — № 59. — С. 253—254.
- Булгарин Ф. В.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. — 1854б. — Май. — № 120. — С. 543—544.
- Булгарин Ф. В.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. — 1854с. — Ноябрь. — № 267. — С. 1269—1270.
- Верещагин В. В.* Избранные письма. — М. : Изобразительное искусство, 1981.
- Вигель Ф. Ф.* Москва и Петербург. Письмо к приятелю в Симбирск // Русский архив. — 1893. — Т. 2. — С. 556—584.
- Внутреннее обозрение // Русская речь. — 1882. — № 2. — С. 1—43.
- Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. 8. Старая записная книжка. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1883.
- Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). — М. : АН СССР, 1963.
- Глебов А.* Всесоюзный смотр советского искусства // Огонек. — 1930. — Дек. — № 18. — С. 10—11.

- Гоголь Н. В.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4 / под ред. С. И. Машинского, М. Б. Храпченко. — М. : Художественная литература, 1967.
- Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 14. Переписка, 1847 / под ред. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М. : Издательство Московской Патриархии, 2009.
- Гуль Р. Б.* Одвуконь : Статьи. — Нью-Йорк : Мост, 1973.
- [Добролюбов Н. А.]* Новые книги. Апрель 1858. Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского Университета [...]. Сочинение Н. В. Сушкова [...]. М. 1858 // Современник. — 1858. — Т. 69, № 5. — С. 31–44.
- Душенко К. В.* «Мировая закуска» : истоки концепции // Россия в глобальной политике. — 2022а. — Т. 20, № 4. — С. 178–186.
- Душенко К. В.* Первые дебаты о ‘русификации’ (Англия, 1836–1841) // Историческая экспертиза. — 2022b. — № 4. — С. 225–242.
- Душенко К. В.* Понятия «русификация» и «русомания» в англоязычной печати (1842–1900) // Новое прошлое. — 2022с. — Т. 2. — С. 556–584.
- Елшикин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. — М. : ЭТС, 2010.
- Зарубин В.* Что делать? // Вече. — 1981. — № 3. — С. 192–195.
- Ильин И. А.* Собрание сочинений. В 21 т. Т. 2.1. — М. : Русская книга, 1993.
- Кан А.* Времена меняются // Литературная газета. — 1959. — Авг. — С. 1.
- Куллиш П. А.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В 2 т. Т. 2. — СПб. : Ю. Штауф, 1856.
- Места зарождения чумы в Константинополе // Библиотека для чтения. — 1838. — Февр. — Т. 26. — С. 117–118.
- Мостицкий И. Л.* Энциклопедический словарь по психологии и педагогике / Academic. — 2013. — URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru (дата обр. 5 янв. 2022).
- Мостицкий И. Л.* Универсальный дополнительный практический толковый словарь / Academic. — 2005/2012. — URL: https://mostitsky_universal.academic.ru (дата обр. 5 янв. 2022).
- Несокрушимая сила советской культуры // Известия. — 1976. — Дек. — С. 3.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка : 50000 слов. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949.
- Осинский Н.* «Закат» Бабеля // Известия. — 1928. — Март. — С. 4.
- Осват А. Л.* Элементы политической мифологии Тютчева (комментарий к статье 1844 г.) // Тютчевский сборник. II. — Тарту : Ээсти раамат, 1999. — С. 227–263.
- [П. К.]* Левицкий Иван Семенович // Литературная энциклопедия. В 11 т. Т. 6 / под ред. В. М. Фриче. — М. : Изд-во Коммунист. акад., 1932. — С. 138–139.
- Поленов В. Д.* Письма, дневники, воспоминания. — М. : Искусство, 1950.

- Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня / под ред. В. А. Штейнберга. — Рига : Zinatne, 1979.
- «Пусть всё от народов наших будет превосходно...» (Из писем Н. К. Рериха И. Э. Грабарю) // Советская культура. — 1962. — Ноябрь. — С. 4.
- Разоблаченные клеветники // Правда. — 1917. — Июль. — С. 4.
- Рерих Н. К.* Листы дневника. В 11 т. Т. 2. — М. : Международный центр Рерихов, 1995а.
- Рерих Н. К.* Листы дневника. В 11 т. Т. 3. — М. : Международный центр Рерихов, 1995б.
- Розенгейм М. П.* Стихотворения. Т. 1. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1889.
- Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. — М. : Политиздат, 1969.
- Селезнев Ю. И.* Златая цепь, или Опыт путешествия к первоисточкам народной памяти // Собеседник. — 1984. — № 5. — С. 302–318.
- Сидоров В.* Нью-Йорк. По маршруту Н. Рериха [Окончание] // Огонек. — 1978. — Март. — № 10. — С. 24–27.
- Словарь современного русского литературного языка. В 16 т. Т. 12 / под ред. В. И. Чернышева. — М., Л. : АН СССР, 1961.
- Созидающая память // Огонек. — 1977. — № 11. — С. 22–23.
- Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939.
- Тургенев И.* Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Т. 7 / под ред. М. П. Алексева. — М. : Наука, 1964.
- Тургенев И.* Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Т. 9 / под ред. М. П. Алексева. — М. : Наука, 1965.
- Тургенев И.* Полное собрание сочинений и писем. В 28 т. Т. 15 / под ред. М. П. Алексева. — М. : Наука, 1968.
- Тютчев Ф. И.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. — М. : Художественная литература, 1984.
- Тютчев Ф. И.* Письмо Аксаковой А. Ф., 20 сентября [1867 г.] // Литературное наследство. Т. 97. Ч. 1. — М. : Наука, 1988. — С. 305–307.
- Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем. В 6 т. Т. 6 / под ред. В. Н. Касаткина. — М. : Классика, 2004.
- Чаадаев П. Я.* Сочинения. — М. : Правда, 1989.
- Шафаревич И. Р.* Русофобия. — М. : ЭКСМО, 2005.
- Шаховская З.* Рассказы. Статьи. Стихи. — Париж : Les éditeurs réunis, 1978.
- Vil'basov V. A.* История Екатерины II. Bd. 1 / aus dem Russischen übers. von M. von Pezold. — Berlin : Norddeutsches Verlags-Institut, 1891.
- Frankfurt a. M., im März // Allgemeine Zeitung. — 1858. — März. — Nr. 77. — S. 1.
- Gawroński F.* Konfederacja Narodu Polskiego w r. 1876. — Poznań, Warszawa : n. d., 1919.
- Goldmann K. von.* Die europäische Pentarchie. — Leipzig : Wigand, 1839.

- Kankrin E. F.* Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin, ehemaligen Kaiserlich Russischen Finanzministers, aus den Jahren 1840–1845. T. 1. — Braunschweig : Leibrock, 1865.
- [*Kiryeeva O.*] Skobelev & Slavonic Cause. — London : Longmans, Green & Co., 1883.
- Korrespondenz. Petersburg, 13/25. Mai 1865. (Die Gewerbeverfassung in den russischen Ostseeprovinzen) // Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft, Politik und Kulturgeschichte. Bd. 2. — Berlin : Herbig, 1865. — S. 160–175.
- La Russie sous l'empereur Alexandre II // Revue des Deux Mondes. — 1862. — Jan. — T. 17. — P. 257–295.
- Moller A. de.* Situation de la Pologne au 1er janvier 1865. — Paris : E. Dentu, 1883.
- Munro-Butler-Johnstone H. A.* A Trip Up the Volga to the Fair of Nijni-Novgorod. — Oxford, London : J. Parker, 1875.
- [*Neklyudov V. S.*] La Russie jugée par un Russe, en réponse a la Russie jugée par M. de Mazade. — Saint-Pétersbourg : Dufour, 1862.
- Notizen // Die Grenzboten. — 1844. — Sep. — Jg. 1. — S. 389–394.
- Russia and the Treaty. (From Our Own Correspondent) // The Standard. — 1879. — Apr. — P. 5.
- Rußland und Deutschland // Augsburg Postzeitung. — 1843. — Nov. — Nr. 313. — S. 581–582.
- Rußlands Einfluss auf, und Beziehungen zu Deutschland [...] [Rezension] // Katholische Literatur-Zeitung. — 1856. — Juli. — Nr. 29. — S. 233.
- Rußlands Einfluß auf, und Beziehungen zu Deutschland. Von S. Sugenheim. Zweiter Band. [...], 1856 // Literaturblatt. — 1857. — Jan. — Nr. 9. — S. 33–36.
- [*Schuselka F.*] Oesterreich und Rußland. — Leipzig : Reclam, 1844.
- Sugenheim S.* Russlands Einfluss auf, und Beziehungen zu Deutschland. In 2 Bde. Bd. 1. — Frankfurt am Main : H. Keller, 1856.
- [*Tolstoï I. N.*] La Russie en 1839 revêe par M. de Custine, ou Lettres sur cet ouvrage, écrites de Frankfort par J. Yakovlef. — Paris : Les principaux libraires, 1844.
- [*Tolstoï I. N.*] France et Russie / Par un démocrate. — Paris : E. Dentu, 1863.
- Vasil'ev E.* Die Russophobie in der orientalischen Frage. — Berlin : B. Behr, 1877.
- Vom Main // Allgemeine Zeitung. — 1844. — Jan. — S. 197–198.
- Vyazemsky P. A.* Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine : La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844 // La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856 / M. Cadot. — Paris : Fayard, 1967.

Dushenko, K. V. 2022. “Ponyatiye ‘rusofobiya’ u russkikh avtorov XIX–XX vv. [The Concept of ‘Russophobia’ among Russian Authors of the 19–20th Centuries]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 222–255.

KONSTANTIN DUSHENKO

PHD IN HISTORY;

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,
DEPARTMENT OF CULTURAL STUDIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-7708-1505

THE CONCEPT OF “RUSSOPHOBIA” AMONG RUSSIAN AUTHORS OF THE 19–20TH CENTURIES

Submitted: June 20, 2022. Reviewed: June 30, 2022. Accepted: June 30, 2022.

Abstract: In the existing literature on anti-Russian phobias, insufficient attention is paid to the linguistic and conceptual aspects of the phenomenon under study. Such an unreflected approach leads to the confusion of heterogeneous phenomena. The article discusses the term “Russophobia” central to this topic—the meaning of it among different authors and in different eras of Russian history, as well as the context in which this term was used. The study was conducted on the material of journalism (including texts by Russian authors created in other languages) and the most significant epistolary texts. Particular attention is paid to the concept of “internal Russophobia” formulated in the middle of the 19th century by F. F. Vigel and F. I. Tyutchev. For Tyutchev, the closest target was I. S. Turgenev, an iconic figure of Westernizing liberalism. Drawn by Tyutchev (with the active participation of Dostoevsky), the image of a Russian “very honourable” man who hates his motherland “by instinct”, upon closer examination, turns out to be a phantom created for polemical purposes. In the Soviet press, “Russophobia” and related words for a long time belonged mainly to the historical past. From the second half of the 1930s to the mid-1970s, they practically fell out of the language of journalism. A sharp surge of interest in the concept of “Russophobia” dates back to the late 1980s. However, during this period, the image of the USSR and Russia in Western public opinion changed noticeably for the better.

Keywords: A. de Custine, F. F. Vigel, F. I. Tyutchev, F. M. Dostoevsky, I. S. Turgenev, N. K. Roerich, I. A. Ilyin, I. R. Shafarevich.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-222-255.

REFERENCES

- Barsukov, N. P. 1888. [in Russian]. Vol. 1 of *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina [Life and Work of M. P. Pogodin]*. 22 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pogodiny.
- Bezymenskiy, A. I. 1958. [in Russian]. Vol. 1 of *Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Goslitizdat.
- Bil'basov, V. A. 1900. [in Russian]. Vol. 1 of *Istoriya Yekateriny Vtoroy [The Story of Catherine the Second]*. 2 vols. Berlin: F. Gottgeyner.
- Bil'basov, V. A. 1891. *Istoriya Yekateriny II [Geschichte Katharina II]* [in German]. Trans. from the Russian by M. von Pezold. Vol. 1. Berlin: Norddeutsches Verlags-Institut.
- Boborykin, P. D. 1965. [in Russian]. Vol. 1 of *Vospominaniya [Memories]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.

- Bulgarin, F. V. 1854a. "Zhurnal'naya vsyakaya vsyachina [Magazine Mix]" [in Russian]. *Severnaya pchela*, no. 59 (Mar.): 253–254.
- . 1854b. "Zhurnal'naya vsyakaya vsyachina [Magazine Mix]" [in Russian]. *Severnaya pchela*, no. 120 (May): 543–544.
- . 1854c. "Zhurnal'naya vsyakaya vsyachina [Magazine Mix]" [in Russian]. *Severnaya pchela*, no. 267 (Nov.): 1269–1270.
- Chaadayev, P. Ya. 1929. *Sochineniya [Works]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Pravda.
- Chernyshev, V. I., ed. 1961. [in Russian]. Vol. 12 of *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of Modern Russian Literary Language]*. 16 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: AN SSSR.
- [Dobrolyubov, N. A.] 1858. "Novyye knigi. Aprel' 1858. Moskovskiy universitet-skiy blagorodnyy pansion i vospitanniki Moskovskogo Universiteta [...]. Sochineniye N. V. Sushkova [...]. M. 1858 [The New Books. April 1858. Moscow University Noble Boarding School and Pupils of Moscow University [...]. The Composition of N. V. Sushkov [...]. Moscow, 1858]" [in Russian]. *Sovremennik [The Contemporary]* 69 (5): 31–44.
- Dostoyevskiy, F. M. 1972–1990. *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]* [in Russian]. Ed. by V. G. Bazanov, G. M. Fridlender, and V. V. Vinogradov. 30 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Nauka.
- Dushenko, K. V. 2022a. "'Mirovaya zakulisa' ['World Cackstage']: istoki kontseptsii [The Origins of the Concept]" [in Russian]. *Rossiya v global'noy politike* 20 (4): 178–186.
- . 2022b. "Pervyye debaty o 'rusofobii' (Angliya, 1836–1841) [The First Debate about 'Russophobia' (England, 1836–1841)]" [in Russian]. *Istoricheskaya ekspertiza [Historical Expertise]*, no. 4, 225–242.
- . 2022c. "Ponyatiya 'rusofobiya' i 'rusomaniya' v angloyazychnoy pechati (1842–1900) [The Concepts of 'Russophobia' and 'Russomania' in the English-language Press (1842–1900)]" [in Russian]. *Novoye proshloye [The New Past]* 2:556–584.
- "Frankfurt a. M., im März." 1858 [in German]. *Allgemeine Zeitung*, no. 77 (Mar.): 1.
- Gawroński, F. 1919. *Konfederacja Narodu Polskiego w r. 1876 [Geschichte Katharina II]* [in Polish]. Poznań, Warszawa: n. d.
- Glebov, A. 1930. "Vsesoyuznyy smotr sovet-skogo iskusstva [All-Union Review of Soviet Art]" [in Russian]. *Ogonek*, no. 18 (Dec.): 10–11.
- Gogol', N. V. 1967. [in Russian]. Vol. 4 of *Sobraniye sochineniy [Works]*, ed. by S. I. Mashinskiy and M. B. Khrapchenko. 7 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- . 2009. *Perpiska, 1847 [Correspondence, 1847]* [in Russian]. Vol. 14 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Works]*, ed. by I. A. Vinogradov and V. A. Voropayev. 17 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii.
- Goldmann, K. E. von. 1839. *Die europäische Pentarchie* [in German]. Leipzig: Wigand.
- Gul', R. B. 1973. *Odvukon' [Odvukon']: Stat'i [Articles]* [in Russian]. N'yu-York: Most.
- Il'in, I. A. 1993. [in Russian]. Vol. 2.1 of *Sobraniye sochineniy [Works]*. 21 vols. Moskva [Moscow]: Russkaya kniga.
- Kan, A. 1959. "Vremena menyayut-sya [Times Change]" [in Russian]. *Literaturnaya gazeta* (Aug.): 1.
- Kankrin, E. F. 1865. [in German]. Bk. 1 of *Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kankrin, ehemaligen Kaiserlich Russischen Finanzministers, aus den Jahren 1840–1845*. Braunschweig: Leibrock.
- [Kiryeeva, O.] 1883. *Skobelev & Slavonic Cause*. London: Longmans, Green & Co.
- "Korrespondenz. Petersburg, 13/25. Mai 1865. (Die Gewerbeverfassung in den russischen Ostseeprovinzen)" [in German]. 1865. In *Vierteljahrsschrift für Volkswirthschaft, Politik und Kulturgeschichte*, 2:160–175. Berlin: Herbig.

- Kulish, P. A. 1856. [in Russian]. Vol. 2 of *Zapiski o zhizni Nikolaya Vasil'yevicha Gogolya, sostavlenkiye iz vospominaniy yego druzhey i znakomykh i iz yego sobstvennykh pisem* [Notes on the Life of Nikolai Vasilyevich Gogol, Compiled from the Memoirs of his Friends and Acquaintances and from his Own Letters]. 2 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yu. Shtauf.
- "La Russie sous l'empereur Alexandre II." 1862 [in French]. *Revue des Deux Mondes* 17 (Jan.): 257–295.
- "Mesta zarozhdeniya chumy v Konstantinopole [Places Where the Plague Originated in Constantinople]." 1838 [in Russian]. *Biblioteka dlya chteniya* 26 (Feb.): 117–118.
- Moller, A. de. 1883. *Situation de la Pologne au 1er janvier 1865* [in French]. Paris: E. Dentu.
- Mostitskiy, I. L. 2013. "Entsiklopedicheskiy slovar' po psikhologii i pedagogike [Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy]" [in Russian]. Academic. Accessed Jan. 5, 2022. http://psychology_pedagogy.academic.ru.
- . 2005/2012. "Universal'nyy dopolnitel'nyy prakticheskiy tolkovyy slovar' [Universal Additional Practical Explanatory Dictionary]" [in Russian]. Academic. Accessed Jan. 5, 2022. https://mostitsky_universal.academic.ru.
- Munro-Butler-Johnstone, H. A. 1875. *A Trip Up the Volga to the Fair of Nijni-Novgorod*. Oxford, London: J. Parker.
- [Neklyudov, V. S.] 1862. *La Russie jugée par un Russe, en réponse a la Russie jugée par M. de Mazade* [in French]. Saint-Petersbourg: Dufour.
- "Nesokrushimaya sila sovet-skoy kul'tury [The Indestructible Strength of Soviet Culture]." 1976 [in Russian]. *Izvestiya* (Dec.): 3.
- "Notizen." 1844 [in German]. *Die Grenzboten* 1 (Sept.): 389–394.
- Osinskiy, N. 1928. "'Zakat' Babelya ['Sunset' by Babel]" [in Russian]. *Izvestiya* (Mar.): 4.
- Ospovat, A. L. 1999. "Elementy politicheskoy mifologii Tyutcheva (kommentariy k stat'ye 1844 g.) [Elements of Tyutchev's Political Mythology (Commentary on an Article of 1844)]" [in Russian]. In *Tyutchevskiy sbornik. II [Tyutchev's Collection. II]*, 227–263. Tartu: Eesti raamat.
- Ozhegov, S. I. 1949. *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]: 50000 slov [50000 Words]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye.
- [P. K.] 1932. "Levitskiy Ivan Semenovich [Levitskiy Ivan Semenovich]" [in Russian]. In vol. 6 of *Literaturnaya entsiklopediya [Literary Encyclopedia]*, ed. by V. M. Friche, 138–139. 11 vols. Moskva [Moscow]: Izd-vo Kommunist. akad.
- Polenov, V. D. 1950. *Pis'ma, dnevniki, vospominaniya [Letters, Diaries, Memoirs]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Iskusstvo.
- "'Pust' vse ot narodov nashikh budet prevoskhodno...' (Iz pisem N. K. Rerikha I. E. Grabaryu) ['Let Everything from Our Peoples Be Excellent...'] (From the Letters of N. K. Roerich to I. E. Grabar)." 1962 [in Russian]. *Sovet-skaya kul'tura* (Nov.): 4.
- "Razoblachennyye klevetniki [Exposed Slanderers]." 1917 [in Russian]. *Pravda* (July): 4.
- Rerikh, N. K. 1995a. [in Russian]. Vol. 2 of *Listy dnevnika [Diary Sheets]*. 11 vols. Moskva [Moscow]: Mezhdunarodnyy tsentr Rerikhov.
- . 1995b. [in Russian]. Vol. 3 of *Listy dnevnika [Diary Sheets]*. 11 vols. Moskva [Moscow]: Mezhdunarodnyy tsentr Rerikhov.
- Rozengeym, M. P. 1889. *Stikhotvoreniya [Poems]* [in Russian]. Vol. 1. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- "Russia and the Treaty. (From Our Own Correspondent)." 1879. *The Standard* (Apr.): 5.
- Russkiye sovremenniki o K. Markse i F. Engel'se [Russian Contemporaries about K. Marx and F. Engels]* [in Russian]. 1969. Moskva [Moscow]: Politizdat.

- “Rußland und Deutschland.” 1843 [in German]. *Augsburger Postzeitung*, no. 313 (Nov.): 581–582.
- “Rußlands Einfluss auf, und Beziehungen zu Deutschland [...] [Rezension].” 1856 [in German]. *Katholische Literatur-Zeitung*, no. 29 (July): 233.
- “Rußlands Einfluß auf, und Beziehungen zu Deutschland. Von S. Sugenheim. Zweiter Band. [...], 1856.” 1857 [in German]. *Literaturblatt*, no. 9 (Jan.): 33–36.
- [Schuselka F.] 1844. *Oesterreich und Rußland* [in German]. Leipzig: Reclam.
- Seleznev, Yu. I. 1984. “Zlataya tsep’, ili Opyt puteshestviya k pervoistokam narodnoy pamyati [The Golden Chain, or the Experience of Journey to the Primordial Sources of Folk Memory]” [in Russian]. *Sobesednik*, no. 5, 302–318.
- Shafarevich, I. R. 2005. *Rusofobiya [Russophobia]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: EKSMO.
- Shakhovskaya, Z. 1978. *Rasskazy. Stat’i. Stikhi [Stories. Articles. Poetry]* [in Russian]. Parizh: Les éditeurs réunis.
- Shteynberg, V. A, ed. 1979. *Pribaltiyskaya reaktsionnaya emigratsiya segodnya [Baltic Reactionary Emigration Today]* [in Russian]. Riga: Zinatne.
- Sidorov, V. 1978. “N’yu-York. Po marshrutu N. Rerikha [Okonchaniye] [New York. Along the Route of N. Roerich [The Ending]]” [in Russian]. *Ogonek*, no. 10 (Mar.): 24–27.
- “Sozidayuschaya pamyat’ [Creative Memory].” 1977 [in Russian]. *Ogonek*, no. 11, 22–23.
- Sugenheim, S. 1856. [in German]. Vol. 1 of *Russlands Einfluss auf, und Beziehungen zu Deutschland*. 2 vols. Frankfurt am Main: H. Keller.
- [Tolstoi, I. N.] 1844. *La Russie en 1839 rêvée par M. de Custine, ou Lettres sur cet ouvrage, écrites de Frankfort par J. Yakovlef* [in French]. Paris : Les principaux libraires.
- . 1863. *France et Russie / Par un démocrate* [in French]. Paris : E. Dentu.
- Turgenev, I. S. 1964. [in Russian]. Vol. 7 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]*, ed. by M. P. Alekseyev. 28 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 1965. [in Russian]. Vol. 9 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]*, ed. by M. P. Alekseyev. 28 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 1968. [in Russian]. Vol. 15 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]*, ed. by M. P. Alekseyev. 28 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Tyutchev, F. I. 1984. [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya [Works]*. 2 vols. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- . 1988. “Pis’mo Aksakovoy A. F., 20 sentyabrya [1867 g.] [Letter to Aksakova A. F., September 20 [1867]]” [in Russian]. In *Literaturnoye nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 97, bk. 1, 305–307. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2004. [in Russian]. Vol. 6 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete Works and Letters]*, ed. by V. N. Kasatkin. 6 vols. Moskva [Moscow]: Klassika.
- Ushakov, D. N., ed. 1939. [in Russian]. Vol. 4 of *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]*. 4 vols. Moskva [Moscow]: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.
- Vasil’ev, E. 1877. *Die Russophobie in der orientalischen Frage* [in German]. Berlin: B. Behr.
- Vereshchagin, V. V. 1981. *Izbrannyye pis’ma [Selected Letters]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izobrazitel’noye iskusstvo.
- Vigel’, F. F. 1893. “Moskva i Peterburg. Pis’mo k priyatelyu v Simbirsk [Moscow and St. Petersburg. A Letter to a Friend in Simbirsk]” [in Russian]. *Russkiy arkhiv [Russian Archive]* 2:556–584.
- “Vnutrenneye obozreniye [Internal Review].” 1882 [in Russian]. *Russkaya rech’ [Russian Speech]*, no. 2, 1–43.
- “Vom Main.” 1844 [in German]. *Allgemeine Zeitung* (Jan.): 197–198.

- Vyazemskiy, P. A. 1883. *Staraya zapisnaya knizhka [An Old Notebook]* [in Russian]. Vol. 8 of *Polnoye sobraniye sochineniy [The Complete Works]*. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- . 1963. *Zapisnyye knizhki (1813–1848) [Notebooks (1813–1848)]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: AN SSSR.
- Vyazemsky, P. A. 1967. “Encore quelques mots sur l’ouvrage de M. de Custine : La Russie en 1839, à propos de l’article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844” [in French]. In *La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856*, by M. Cadot. Paris : Fayard.
- Yepishkin, N. I. 2010. *Istoricheskiy slovar’ gallitsizmov russkogo yazyka [Historical Dictionary of Gallicisms of the Russian Language]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: ET·S.
- Zarubin, V. 1981. “Chto delat’? [What to Do?]” [in Russian]. *Veche*, no. 3, 192–195.